

Глава первая. АРТУРО

Встреча не предвещала ничего хорошего. В субботу к Артуру заглянул посыльный — предупредил, что нужно будет явиться в офис по первому требованию. Ни объяснений, ни комментариев. Назревало что-то важное, и в субботу Артуро не спал всю ночь. Судорожно проверял телефон, заглядывал в почту, сам звонил в офис, беспокоя охранника напрасными расспросами. Уснул только к рассвету.

С тех пор прошло три дня. Новостей по-прежнему не было. Оставалось ждать, и Артуро, растревожившись, отправился сюда, на прибрежную окраину одного из наиболее скверных кварталов Трухильо. Местные перуанцы называли его Буэнос-Айресом. Если заочно можно было нафантазировать яркие краски карнавалов, застеклённые бассейны на многоэтажках, то действительность наводила на единственную аналогию с одноимённым городом — почти трущобную бедность и до убогости грязный каменистый пляж. Именно здесь жила тётя Иса.

— Чего ты хочешь?

Она часто встречала гостей этим вопросом. В нём не было упрёка или заботы. Пустые, не наполненные эмоциями слова. Артуро к ним привык. Первое время возил тётю по клиникам, надеялся найти лекарство, способное хоть на какое-то время вернуть ей память, в прошлом году даже вызвал гипнолога — тот тщетно пробыв с тётей два дня и, положив в кошелёк триста пятьдесят солей, в итоге заявил, что скорее заговорят мёртвые камни Ики. Глупая шутка. Очередной мошенник, и только.

— Чего ты хочешь?

— Ничего, тётя, уже ничего.

Пробудившись от беспамятства и увидев свою новую жизнь, Иса пришла бы в ужас. Возможно, согласилась бы добровольно вернуться в забвение. Ещё десять лет назад она жила на возвышенности у Малаги,

в пяти километрах от «Венты-эль-Тунель» с их прекрасным супом пикадильо. У тёти были двухэтажный дом, оплетённая плющом веранда с видом на цветущие, по-андалусски сухие холмы, а теперь она безвылазно ютилась в комнатке с грубо оштукатуренными стенами. Под стать этим переменам изменилась и внешность Исы. Ей едва исполнился пятьдесят один год, но выглядела она старухой: желтоватая седина, пигментные пятна и вздувшиеся суставы проявились так же разительно, как и помешательство. Её мужу, Гаспару Дельгадо, повезло ещё меньше. Он умер от лихорадки в верховьях Амазонки. По меньшей мере так говорилось в документах, которые Артуро вручили в Испании почти девять лет назад.

— Чего ты хочешь? — настойчиво бормотала Иса. Сегодня задавала свой вопрос чаще обычного, будто чувствовала обеспокоенность племянника.

Артуро прошёлся по изъеденным влагой половицам, бережно расправил шерстяной палантин — укрыл им сидевшую в кресле тётю.

— Всё будет хорошо. Осталось совсем немного.

История с Городом Солнца и приходной книгой таинственного коллекционера поначалу звучала довольно любопытно, но в целом зауменно. Дядя щедро делился с племянником деталями, рассказывал ему о грандиозном мошенничестве, благодаря которому коллекционер многие годы торговал картинами погибших художников. Артуро, в те годы — преподаватель истории в старшей школе, помогал Гаспару искать архивные материалы. А затем... затем появился русский исследователь Шустов, и дядя отдался от Артуро; под конец и вовсе, никого не предупредив, уехал с женой в Перу. Долгое время не звонил, не писал, а потом прислал родственникам открытку с просьбой не беспокоиться. «Я ещё задержусь. Нужно уладить кое-какие дела».

— *Уладить кое-какие дела...* — прошептал Артуро, глядя на тётю.

Сел за письменный стол. Поправив очки, открыл «Чавин и происхождение андской цивилизации» археолога Ричарда Бургера. Пробежался по строкам очередной главы. Мысли упрямо возвращались к предстоящей встрече. Захлопнул книгу и, в раздражении вскочив со стула, принялся ходить по комнате. Крутил в руках серебристую «зиппо». Дядина зажигалка. Реплика сорок первого года с чуть шершавыми боками и отполированными закруглёнными углами. Артуро отщёлкивал крышку, чиркал колёсиком и с ещё более громким

щелчком закрывал едва загоревшийся фитиль. В воздухе оставался приятный запах бензина.

Артуро без интереса поглядывал на развешенные по стенам карты и листки с записями. Здесь было всё, что ему удалось разузнать о возможном местоположении Города Солнца, в чьё существование так беззаветно верил Шустов. Артуро перебрался в Трухильо три года назад — правда, жить в дядиной квартире отказался, предпочёл снимать отдельный дом в центре, — и с тех пор по крупницам восстанавливал общую картину того, что было известно дяде Гаспару. Сверялся с хрониками, оставшимися от миссионеров, солдат и простых исследователей времён конкисты, особое внимание уделял истории Перу конца восемнадцатого века. В результате только распахнул собственное любопытство и окончательно упёрся в тупик.

Прошлым летом, отчаявшись, перенёс сюда, в дядину квартиру на Антонио Матея, все свои материалы — надеялся, что знакомые фотографии, названия, репродукции картин из приходной книги в какой-то мере пробудят тётю от беспамятства. Иса могла бы многое рассказать... Артуро установил здесь камеры — следил, как тётя в сомнамбулическом отрешении подходит к столу, как прикасается к старинным картам Виллема Блау и к картам, которые составил сам Артуро, как рассматривает снимки собственного мужа, однако вменяемой реакции не дождался. С таким же мнимым вниманием тётя вела руками по шербатым стенам и так же заторможенно ощупывала листья герани, которую однажды принесла сиделка.

— Чего ты хочешь?

Артуро в раздражении закрыл зажигалку — до того порывисто, что едва не выронил её. Затем, смягчившись, поправил палантин на коленях Исы и прошептал:

— Всё будет хорошо. Да... *Ключ* у меня в руках. Осталось найти *замочную скважину*. И ведь ты... ты знаешь, где она. Знаешь, но молчишь. — Помедлив, Артуро усмехнулся.

В несчастьях его семьи в самом деле крылось немало иронии. Ведь Артуро добровольно взялся за поиски Города Солнца. И это после того, что Скоробогатов сделал с ним и с его сестрой, теперь прикованной к инвалидному креслу... Артуро спустил на поиски все свои деньги, а заодно деньги оставшихся в Испании родителей. В итоге снарядил две небольшие экспедиции по следам Шустова, который отправившись в джунгли Амазонии не позже пятнадцатого года — спустя шесть

лет после того, как умер дядя Гаспар. Если тот действительно умер. Сфальсифицировать собственную гибель... Безумие. Зачем? Поначалу подобный обман казался бессмысленным и жестоким — ровно до тех пор, пока Артуро не узнал, на что способен Скоробогатов. Увидев в больнице избитую сестру, понял: смерть могла стать для Гаспара чуть ли не единственным спасением. Но почему дядя вообще разорвал отношения с Аркадием Ивановичем, долгое время финансировавшим его исследования? Как бы там ни было, две экспедиции Артуро прошли безрезультатно, а денег для третьей не осталось.

— Чего ты хочешь? — одними губами спросила тётя Иса.

Артуро вновь ходил по комнате, щёлкая зажигалкой и с раздражением поглядывая на развешенные по стенам карты.

«Нужно ещё немножко потерпеть. Скоро наши лишения окупятся», — сказал он родителям полгода назад, когда услышал, что на аукционе в Москве выставили картину Александра Берга — ту самую, под внешним слоем которой скрывалось одно из немногих изображений Города Солнца. Картину не то похитил, не то получил в подарок Шустов. А теперь она всплыла. Хороший знак. Всю весну и всё лето Артуро провёл в беспокойном ожидании, и вот три дня назад посыльный предупредил его о важной встрече в офисе. *«Явиться по первому требованию».*

— «Золото — это совершенство, — Артуро вслух прочитал выписанную на листке и приколотую к стене цитату. — Золото создаёт сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить всё, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай».

Неутомимый генуэзец Христофор Колумб знал, о чём говорит.

Конкистадоров в своё время ослепило богатство инков. Один только храм Солнца лишил их всякого разума: его внутренние и внешние двери были обшиты золотыми пластинами, фасады окаймлял массивный золотой бордюр, одну из стен целиком занимало гигантское золотое солнце с человеческим ликом. Разве могла такая картина оставить испанцев равнодушными? Впрочем, ни о чём подобном Артуро не мечтал и, уж конечно, не считал Город Солнца сказочным Эльдорадо в каком бы то ни было виде. Когда в середине шестнадцатого века испанская корона отменила запрет на новые экспедиции, прежние конкистадоры, в то время сидевшие без дела и документировавшие местным властям своими загулами, самозабвенно бросились

в глухую сельву Новой Гранады и Гвианы — мечтали найти золотой город, построенный не то муисками, не то самими инками, а в итоге нашли жестокую смерть от тропических заболеваний, от диких зверей и от рук воинственных индейцев. Уже тогда, в шестнадцатом веке, можно было раз и навсегда отбросить любые надежды отыскать мифические богатства. Так что нет, об Эльдорадо Артуро не думал. Однако верил, что Город Солнца таит исключительные богатства. Не зря к нему с такой одержимостью стремились и русский мануфактурщик Затрапезный, и перуанский плантатор дель Кампо, а теперь и Скоробогатов, конечно же, мечтавший за счёт этой авантюры увеличить своё состояние.

Не надо никаких муисков с их позолоченными вождями. Достаточно брошенной, не до конца разработанной или вовсе никому прежде не известной шахты. Взять хотя бы золотые копи Мартирса, в восемнадцатом веке обследованные и частично разработанные португальцами, а затем, после восстания рабов, навсегда затерянные в бескрайних джунглях плато Мату-Гросу. Дель Кампо с Затрапезным вполне могли наткнуться на подобные копи и обследовать их втайне от вице-короля, который больше интересовался революционными настроениями в Перу, чем контролем за потоками добываемого золота и серебра.

— Не обязательно копи, — шептал Артуро, глядя через зарешеченное окно на привычно тихую улицу. — Хватило бы индейских украшений, они сейчас в цене. — Говорил вслух, будто надеялся, что тётя Иса его поймёт. — Нужно немножко потерпеть. Ещё чуть-чуть...

Зазвонил телефон. Артуро не сразу понял, откуда доносится мелодия. Потом рванул через комнату к столу.

Услышав, как его просят явиться в офис, не решился выспрашивать о предстоящей встрече. Боялся очередного разочарования. Окончательно придя в себя, убрал так и не дочитанную книгу в коробку из-под фотоаппарата, задвинул её под стол.

Взглянул на часы. Половина седьмого. Скоро придёт соседка. Приятная женщина. Артуро платил ей, и она ухаживала за тётей — заглядывала к ней три раза в день.

— Прости, мне пора.

Артуро склонился над Исой. Снял палантин. Как и всегда, убрал его в стоявший за столом сейф, где палантин хранился последние годы — с тех пор как его туда положил дядя Гаспар.

*Tengo la llave, ¿ahora dónde
buscar el ojo de la cerradura,
maldita sea?*

Через полчаса Артуро уже поднимался по лестнице офисного здания на кольцевом проспекте Эспанья. Никогда не пользовался лифтом. Приятно чувствовать, как напрягаются мышцы здорового тела. Шаг за шагом. И ровное, не сбитое на подъёме дыхание. Под конец не мог удержаться — гадал, кого именно увидит там, на пятом этаже.

Не ждал ничего хорошего. Подозревал, что ему предстоит разговор с кем-то из старых знакомых, а когда наконец распахнул двери приёмной, замер на пороге. В нерешительности обернулся, будто надеялся, что его подтолкнут — помогут одолеть растерянность и пройти внутрь. Пожалуй, Артуро с меньшим удивлением обнаружил бы, что за столом сидит сам Скоробогатов.

Неуверенно сделал несколько шагов вперёд. Прочистил горло — не хотел, чтобы голос ему изменил, — и уверенно произнёс:

— Простите, что заставил ждать. Не знал, что увижу вас.

Чутьё не подвело. Назревали долгожданные перемены.

Глава вторая. СТЕЛА РАЙМОНДИ

Во времена испанской короны путь в Лиму, столицу Перу, занимал до восьми месяцев. Любого, кто хотел насладиться видами Нового Света, ожидало утомительное, местами тревожное путешествие — в безопасности не чувствовали себя даже торговцы с вооружённым конвоем. Отплыв из Севильи, нужно было сделать несколько пересадок: для начала на Канарских, затем на Малых Антильских островах. Одолев Атлантический океан, предстояло отдохнуть в Гаване и лишь после этого отправиться в Картахену, расположенную на северной окраине Южной Америки, — путь туда порой затягивался на долгие двадцать дней из-за постоянной угрозы свирепствовавших корсаров. Затем надлежало отплыть к перешейку у Пуэрто-Бело, откуда вся поклажа отдельно от корабля перебрасывалась по берегу в Панаму. Наконец, дальше открывался прямой путь в тихоокеанский порт Кальяо, и оттуда уже можно было беспрепятственно добраться до Лимы. Путь из перуанской столицы в отдалённые, уже обустроенные испанцами уголки Перу мог затянуться ещё на дополнительные пять месяцев.

— Целый год! — с восторгом говорил Дима, когда они с Максимом и Аней шли к синему автобусу аэроэкспресса. — Да за это время

можно на Марс слетать! А теперь — двенадцать часов, и мы на месте. И виза не потребовалась.

Ещё в Индии Дима заявил сестре, что напишет книгу обо всех приключениях, связанных с Городом Солнца. Возможно, так надеялся впоследствии оправдать перед деканатом своё отсутствие в университете — занятия начались две недели назад, однако возвращаться в Москву Дима, как и Аня, отказался. Последние дни в Ладакхе увлечённо готовился к предстоявшей поездке: листал расшифрованные тетради Шустова-старшего, читал об истории Перу, изучал карты конкистадоров.

— Смотри, — Аня указала на плакат с раззявившим пятнистую пасть кайманом. — Я бы не хотела с таким познакомиться.

Максим пожал плечами. Всё происходило слишком стремительно. До поездки в Индию он вообще не бывал за границей. Ещё полгода назад, сидя у себя в подмосковном Клушине, не мог и представить, что окажется здесь, в Южной Америке, — будет рассматривать рекламные плакаты с Андами, озером Титикака, амазонскими кайманами и стоявшую фоном, отчасти скрытую в полупрозрачном тумане гигантскую упаковку кока-колы на десятиметровом столбе.

В автобусе Дима, прихрамывая после долгого перелёта, сел на первый ряд. Бросил на соседнее место свой чёрный рюкзак и пристроил на коленях новенькую трость с ручкой в виде головы дракона. Трость появилась у Димы после дней, проведённых в плену, — в Шри-Ланке он сам позволил людям Скоробогатова себя схватить, дал возможность сестре и Максиму уехать в Нубрскую долину. Такой жертвой надеялся отчасти искупить вину за смерть Джерри. Сальников добрался до монаха из-за Диминой глупости, и Максим до сих пор ловил себя на неприятных подозрениях, не знал, может ли тому доверять.

Когда автобус, едва заполнившись на треть, выехал со стоянки, Аня положила голову Максиму на плечо. Видя, как сестра проявляет к нему нежность, Дима поначалу хмурился, а теперь, кажется, привык. Ничто не помешало ему развернуться к ним, сидевшим на втором ряду, и рассказывать о Лиме — с такой поучающей интонацией, будто Дима выступал перед школьниками на экскурсии.

Максим почти не слушал друга. Уставившись невидящим взглядом в окно, думал о маме. Вспоминал *подарок* от Скоробогатова — девять фотографий, сделанных в Иркутске, в районе Лисихи, где сейчас жили мама и отчим. Люди Скоробогатова нашли их, следили

за ними... Максим не мог позвонить маме, не мог рассказать, куда и зачем отправился, — опасался, что подставит её под удар. Перед отлётом из Индии только перевёл ей на карточку треть найденных в отцовском тайнике денег. В сообщении получателю написал: «За вами следят. Это деньги отца». Зашифровал послание по ключевому слову «Изида». На всякий случай.

Дима тем временем, сверяясь с конспектами в ноутбуке, рассказывал, что в колониальные времена Лима была богатейшим городом Нового Света, по религиозному значению названным второй Византией, по красоте возведённых храмов — вторым Римом, а по значимости университетов — второй Саламанкой. Живописал местную калье-де-лос-меркадерос — торговую улицу с пёстрыми рядами сотен торговых лавок — и удивительную планировку Лимы, задуманной в форме шахматной доски. Аня, довольная, кивала. Кажется, ей тоже нравилось представлять себя вольным путешественником. Она слушала брата, с увлечением смотрела в окно на окраины Лимы, вслух подмечала, как над обрывом городского пляжа реют парашютисты с антеннами метровых моноподов.

Максим с радостью разделил бы её чувства, однако ни на мгновение не забывал, что в его экспедиционной сумке лежат статуэтка Инти-Виракочи и открытка, которую в две тысячи тринадцатом году, через четыре года после своей предполагаемой смерти, отправил Гаспар Дельгадо. Единственная надпись «Приезжай, мой друг, всё готово» не содержала конкретных указаний, однако на лицевой стороне открытки красовалась диковинная стела Раймонди из Национального музея археологии, антропологии и истории города Лимы, и Максим ухватился за эту деталь. Не представлял, как именно поступить, когда окажется в музее, где там искать следы отца и какую роль в итоге сыграет найденная под стопой Будды диковинная статуэтка, однако надеялся, что решение, как не раз случалось, придёт само собой, на месте. К тому же ещё оставалась последняя, неиспользованная подсказка Шустова-старшего: *«Вместо крови прольётся вода»*, — Максим давно отчаялся понять её значение.

Устав от рассуждений, достал из сумки старенький букридер «Оникс» и постарался отвлечь себя чтением. Теперь, как и весь трансатлантический перелёт, читал «Капитана Блада». История, упомянутая монахом Джерри, неожиданно увлекла Максима, а лучшего

способа развеяться сейчас всё равно не было. В самолёте он даже прочитал Ане небольшой отрывок: «Когда вы узнаете историю жизни Блада, не только минувшую, но и грядущую, вы поверите, — правда, не без труда, — что, если бы не превратность судьбы, которую ему предстояло очень скоро испытать, он мог бы долго ещё продолжать тихое существование в глухом уголке Сомерсетшира, полностью довольствуясь своим скромным положением захолустного врача. Так могло бы быть...»

На Аню отрывок впечатления не произвёл, а вот Максиму слова о *превратности судьбы* понравились. Ведь и он вполне мог бы довольствоваться скромным положением студента журфака — без зашифрованных посланий, тайников, угроз и неотступных намёков на дурацкую *mysterium tremendum*. Запутавшись, Максим сейчас не мог с точностью сказать, какую жизнь предпочтёт: в покое прежнего *филистерского рая* или в постоянных приключениях, о которых мечтал отец. «Ты не знаешь, о чём он мечтал на самом деле». — «И не хочу знать». — «Да и какой толк думать о выборе? Его за тебя сделали другие». — «Быть может, к счастью». — «Да... Иногда сделать выбор сложнее, чем следовать ему».

Никак не мог привыкнуть к диалогам с самим собой. В раздражении захлопнул крышку букридера. Не получалось сосредоточиться на чтении, да и Дима отвлекал рассказами о Лиме. К счастью, автобус вскоре остановился на кольце проспекта Хосе Пардо, и Максим поторопился первым выйти на тротуар.

От кольца до хостела, расположенного на улице Сесарео Чакальтана, добирались пешком. Едва сбросив вещи, вернулись на улицу — сидеть в номере, несмотря на городскую жару, никто не захотел. К тому же Диме требовалось размять отёкшую ногу. Длительный перелёт с пересадкой в Мадриде стал для него неприятным испытанием.

Поразмыслив, решили пойти наугад, без определённой цели. Музей археологии всё равно уже закрылся.

Вдоль дороги тянулась сплошная застройка из двух- и трёхэтажных кирпичных домов с почти плоскими черепичными крышами. Жилые здания, одинаково прямоугольные, были выстроены в одном стиле, что не мешало их владельцам раскрашивать стены в свой собственный цвет: к белоснежному дому единым фасадом примыкал бордовый, далее шли синий или зелёный — в результате создавалась аляпо-

ватая мозаика городской застройки. Такую разношёрстность усугубляли неказистые волдыри однокомнатных надстроек, редкие балконы и двухметровые заборы с острыми пиками, ограждавшие наружные дворики каждого здания в отдельности. Сами дворики были то забетонированные и безжизненные, то полностью усаженные тёмной растительностью и редкими вкраплениями цветов.

Максим не мог избавиться от навязчивых мыслей. Боялся, что затея с музеем окажется бессмысленной. Даже не был уверен, что там искать, к кому обратиться. «Ты сделал всё, что мог, теперь доверься судьбе». — «Звучит фаталистично». — «И пусть». Максим продолжал терзать себя сомнениями, а потом Аня ненадолго взяла его за руку, и живое тепло её маленькой ладони принесло неожиданное облегчение.

— Как пальцы? — спросил Максим.

Аня с сомнением вытянула вперёд левую руку. Гипс сняли ещё в Индии, но кожа на двух прежде сломанных пальцах по-прежнему выглядела сморщенной, будто распаренной после ванны.

— Болит?

— Нет. — Аня осторожно разогнула мизинец и безымянный палец. Отчего-то старалась держать их прижатыми к ладони. — Всё в порядке. Уже не вспоминаю.

Чем дальше они уходили от района Мирафлорес с его ухоженными аллеями, тем чаще попадали в бедные, затихшие в преддверии сумерек кварталы. В пять часов резко ослабла жара, а к семи и вовсе установилась мягкая парная погода. Небо скоротечно меняло цвет: только что лежало розовое, почти сиреневое — не отдельными пятнами над горизонтом, а всё целиком, — а теперь укрылось лиловыми полосами. Прошло ещё несколько минут, прежде чем солнце утонуло в безбрежном Тихом океане, и небо мгновенно затянуло сгущённой и в то же время лёгкой синевой.

— Скоро уже полгода.

— Да. — Аня резко повернулась и встала перед Максимом. Он неловко уткнулся в неё. Они так и замерли, будто невольно прижатые друг к другу городской теснотой. — Мы в конце марта познакомились. Так что да, полгода.

— Точно...

Аня уловила растерянность в его голосе и поняла свою ошибку. Мельком взглянула на брата — тот задержался возле колониальной

церквушки, сейчас осматривал орнамент на её деревянных воротах — и спросила:

— А ты о чём?

— Я... Ну, хотел сказать, что полгода назад мама повезла меня на аукционную выставку, — тихо признался Максим. — Тогда я впервые увидел «Особняк».

— Да... — Аня опустила взгляд. — Тогда ты и не подозревал, чем всё закончится.

— Ещё не закончилось.

— Теперь мы хотя бы знаем, как объяснить путаницу с датами Берга. И то хорошо.

Максим неуверенно кивнул. Из расшифрованных тетрадей отца стало ясно, что Александр Берг был далеко не единственным художником, продолжавшим творить уже после своей официальной смерти. Более того, «Особняк» он написал по чужим зарисовкам, которые Затрапезный зачем-то заказывал в Москве, а затем отправлял в Перу.

Аня теребила пуговицы блузки. Её губы разомкнулись, в них будто затаилось невысказанное. И Максим уже не вспоминал ни картину Берга, ни открытку Дельгадо. Изучал Анино лицо. Прежде не задумывался, можно ли назвать Аню красивой, а сейчас понял, что два месяца в Индии заострили её внешность, сделали более выраженной и потому притягательной.

Максим поцеловал Аню.

Их губы осторожно соприкасались, выпускали тихое дыхание, ненадолго замирали, а затем с опаской продолжали немой осязаемый разговор.

Максим с Аней так и стояли прижавшись друг к другу, не связанные объятиями, не поднимая рук. А потом Максим отстранился. Открыв глаза, заметил в Анином взгляде светлую поволоку удовольствия и почти сонное отрешение. И всё же отступил на шаг. Вспомнил Лизу — поцелуй в Клушине, последнюю встречу в Ауровиле, когда Лиза, уже открыв своё настоящее имя, помогла бежать от обезумевших Сальникова и Баникантхи. «*Считай, это в моих интересах*». Вспомнил и то, как Аня с Лизой сидели у него дома. Такие разные, совсем непохожие друг на друга.

Тем временем Анин взгляд прояснился. Она улыбнулась, заметив, что её брат, по-прежнему стоя возле церкви, поглядывает на них и насупленно постукивает тростью по бордюру.

— Пора назад, — заметил Максим. — Темнеет.

В хостел вернулись к десяти часам. Под конец у Димы так разболелась нога, что в Мирафлорес пришлось ехать на такси. Однако это не мешало Диме перед сном — Аня жила в отдельном номере — целый час докучать Максиму рассказами о буйствовавших тут полтысячелетия назад конкистадорах, а потом ещё минут десять говорить о планах изначально написать предельно откровенную книгу с указанием всех имён и только при редакции задуматься об отдельных купюрах.

— Если мы вернёмся домой живыми... — засыпая, протянул Максим.

— То что?

— ...то тебя потом убьют из-за твоей книги.

— Вот и хорошо! — хохотнул Дима. — Представляешь, какая реклама! Весь тираж раскупят за несколько дней.

— Ну да. Воздвигнут тебе памятник и будут курить фимиам.

— Лучше так, чем от водки и от простуд.

— Это точно...

К восьми утра, как и было запланировано, добрались до Музея археологии на Пласа Боливар. Высокие окна жёлтого двухэтажного здания были неприветливо забраны чёрной решёткой, за которой к тому же темнели наглухо закрытые чёрные ставни, но парадный вход уже раскрыв свои двери, и по бетонным ступеням Максим поднялся напрямик во внутренний двор со стриженным газоном. Аня и Дима молча последовали за ним и вскоре увидели, что по обе стороны двора тянутся крытые галереи с шахматной плиткой — оттуда посетители попадали в отдельные комнаты экспозиций.

Максим свернул налево, к билетной стойке. Спросил там о Гаспаре Дельгадо. Аня перевела его вопрос на испанский. Кажется, заодно добавила что-то от себя. Администратор поначалу развёл руками, но потом согласился сходить в дирекцию, уточнить, работал ли когда-нибудь Дельгадо в музее и где мог сейчас находиться.

Дима в разговоре участия не принимал. Какое-то время разглядывал ближайшие витрины с экспонатами, а затем вдруг оживился и быстро зашагал по левому крылу галереи. Охранник с подозрением посмотрел ему вслед.

— Макс! — позвал Дима. — Смотри.

Максим, проигнорировав недовольство охранника, последовал за другом и вскоре увидел застеклённую громадину барельефа — того

самого, что был изображён на открытке Дельгадо. Стела Раймонди. Жутковатое изображение коренастого человека со звериными клыками и когтями. В руках он держал толстые копья, больше напоминавшие тотемные столбы, а на его голове возвышалась многоуровневая шапка со змеями и похожими на лица узорами.

— Жуть какая-то, — подошла Аня.

— Если бы открытку отправил твой отец, — сказал Дима, — я бы не сомневался, что он неспроста выбрал именно этот барельеф. А так...

Максим, будто не уверенный в сходстве, достал открытку. Приложил её к стеклу витрины.

— Совпадает.

— «Лица на стеле выглядят законченными вне зависимости от того, смотрите вы на них сверху вниз или наоборот, — прочитала Аня на табличке. — Высокая сложность художественного исполнения подчёркивает исключительный уровень развития цивилизации чавин, несмотря на то что они жили и развивались задолго до нашей эры».

— Чавин... — Максим не сводил взгляда с барельефа.

Отец упоминал этот народ в своих зашифрованных тетрадах. Шустов-старший писал, что узоры на теле Инти-Виракочи, главного символа Города Солнца, напомнили ему именно чавинские узоры. Значит, стелу, полтора столетия назад найденную и впервые изученную итало-перуанским географом Антонио Раймонди, Гаспар Дельгадо выбрал не случайно. Однако, если в её изображении на открытке и был какой-то скрытый смысл, он пока что ускользал от Максима.

— А ведь правда. — Аня скособочилась, стараясь взглянуть на барельеф снизу вверх. — Если так смотреть, то появляются другие лица. Такие же страшные, но другие.

Дима хотел последовать примеру сестры, но к ним из-за стеклянной будки сувенирного магазина вышел Лиус Васкес Санта Крус — руководитель библиографического фонда историко-археологических исследований. Именно так он представился. Сублильный мужчина с раздутым бурым лицом и грубоватыми индейскими чертами. Его взгляд выдавал любопытство, но лицо казалось насупленным. Из последовавшего разговора выяснилось, что Лиус знал Гаспара Дельгадо и даже встречался с ним незадолго до его смерти, однако сообщить каких-либо особых сведений о нём не мог.

О Шустове-старшем никогда не слышал.

О Затрапезном тоже.

Возможно, встреча так бы и закончилась — напрасная, бесплодная, но под конец Лиус заметил в руках Максима открытку и оживился.

— Можно? — спросил он по-английски и тихо добавил что-то по-испански.

— Что он сказал?

— Сказал, таких открыток давно не выпускают, — перевела Аня.

— «Приезжай, мой друг, всё готово», — прочитал перуанец. — Что же вы сразу не показали?

Дима с Максимом удивлённо переглянулись. Значит, их план сработал. Зацепка в самом деле оказалась зацепкой, к чему бы она в итоге ни привела.

Лиус увлёк их по галерее в дальнюю часть двора, где за белой невзрачной дверью обнаружился его кабинет — обставленный по-офисному однообразно, если не считать нескольких выставочных плакатов и расставленных по книжным полкам цветастых быков с нелепым чубом между рогами.

— Присаживайтесь.

К разочарованию Максима, перуанец не стал оспаривать гибель Дельгадо. На большинство вопросов вновь пожимал плечами, однако открытку не выпускал — то и дело переворачивал, словно не верил в её подлинность. Наконец достал из ящика в столе продолговатую, сантиметров пятнадцать в длину, картонную коробочку. Крест-накрест перемотанная скотчем. Никаких надписей или рисунков. В такие, надо полагать, в музейном сувенирном магазине упаковывали глиняные поделки.

— Вот. Я должен передать вам это, — произнёс Лиус.

По тому, с какой надеждой он посмотрел на Аню, Максим понял, что перуанец действительно знал не так уж много. Возможно, и сам надеялся услышать от неожиданных гостей что-нибудь интересное.

— И ещё. — Лиус ненадолго отвлёкся, чтобы найти нужную записку в блокноте. — Три года назад сюда приходил племянник Гаспара.

— Племянник?

— Да.

— И вы не отдали ему коробочку? — удивился Максим.

Аня переводила непринуждённо и быстро.

— У него не было открытки. — В голосе перуанца угадывалась улыбка. — Племянника Дельгадо зовут Артуро. Он оставил номер

своего телефона. На случай, если что-то станет известно о гибели... или жизни Гаспара. Вот, возьмите, — Лиус вырвал из блокнота листок и передал его Ане.

— Открытка была условным знаком, да? — спросил Дима.

— Не переводи, — вмешался Максим. — Это и так ясно. Лучше спроси, кто оставил коробочку.

— Её оставила Исабель, жена Гаспара, — ответил перуанец. — В тринадцатом году.

— Через четыре года после смерти Дельгадо...

— И в тот самый год, когда Сергей Владимирович получил открытку, — добавил Дима.

Максим, качнув головой, попросил Аню не переводить их разговор. Потом спросил у Луиса:

— А открытка? Её отправил именно Гаспар?

— Этого я вам сказать не могу.

— Потому что не знаете или потому что не хотите?

— Как вам больше нравится, так и считайте. — И вновь при общей хмурости Лиуса весёлость в его голосе прозвучала неестественно, почти натужно.

Максим положил коробочку себе в сумку. Уловил разочарование в глазах перуанца. Тот, конечно, надеялся увидеть содержимое посылки. Напрасно. Коробочку Максим решил вскрыть уже в хостеле.

Глава третья. ДВА КЛЮЧА

В Индии, когда они заполучили статуэтку Инти-Виракочи, когда осознали, что намеченный Шустовым-старшим путь увлекает их в далёкое Перу, Аня согласилась написать родителям подробное письмо о своих и Диминых приключениях. Позже брат поддержал её решение. Они тогда рассудили, что папа их подстрахует — в случае чего выложит все материалы в интернет. Письмо в итоге было написано и отправлено, вот только его содержание в конечном счёте оказалось иным.

Максим верно заметил, что Скоробогатов едва ли решится похитить Василия Игнатовича. Папа был видным человеком, и его исчезновение вызвало бы значительно больше вопросов, чем исчезновение Абрамцева